

Т. А. Листова

Современное приходское священство: традиционные практики и поиски новых путей служения¹

*Люди воспринимают Бога таким,
каким его видит их священник
(о. Сергей, г. Медынь)*

В конце XX в., на волне возникшего в России подъема не столько религиозности, сколько стремления познать и примкнуть к запрещенной религии предков, очевидным стал интерес к малознакомому духовному явлению — церковному православию². В общественное сознание пришли размышления о понятии православная вера, сущность церкви, размышления о ее роли в судьбе своего народа. Наряду с этим появилось желание осознать собственное «я» как особую сущность, как носителя определенной культуры и соотнести его с категориями христианства³. После длительного разрушения налаженной приходской жизни как бы заново начиналось знакомство с отделёнными от повседневной жизни, существующими в условиях вынужденной изоляции служителями Церкви, воспринимаемыми как представители сакрализованного мира, чье бытие определяется иными законами. В это время появились разные формы просветительской деятельности среди светского населения, прежде всего в учебных заведениях. И вот тогда-то в небольшом г. Шацке Рязанской обл., на уроке религиоведения ученик техникума поставил вопрос, свидетельствующий о характерных для постсоветского време-

ни поисках некоего абсолюта, который может заменить хаос в стране на всеобщую гармонию. И понятно, что в этом аспекте молодого человека заинтересовала фигура священника как носителя христианских заветов мира и любви, проводника нравственных принципов взаимоотношений в обществе. «*Интересно, — написал он в сочинении о том, как он понимает веру, — что будет, если к власти придет человек в ряде? Сможет ли он в процессе своего управления страной наладить отношения между людьми? У такого человека есть все шансы выиграть в такой борьбе, так как за последнее время в нашей стране резко вырос процент верующих*»⁴. Подобные вопросы, судя по имеющимся у нас материалам, не возникали в дореволюционной России, хотя большинство населения было действительно верующим, а само государство теократическим. Церковь была неразрывно спаяна с государством, и, тем не менее, каждая часть общего организма выполняла свою функцию. Причиной отсутствия подобных идей в прошлом и появления в настоящем может быть разный подход к восприятию служителей церкви, к определению их статуса в период официально существующего православия дореволюционного

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда РFFИ, проект № 18-09-00196А

² Не согласимся с автором статьи, поскольку абсолютное большинство «примыкало» к вере в начале 1990-х не по умственным соображениям, а по голосу сердца и совести, опираясь на чей-то (иногда семейно-родовой) религиозный опыт. — Ред.

³ Автор говорит об опыте интеллигенции, что не покрывало опыта всех верующих. — Ред.

⁴ Материалы любезно предоставлены преподавателем истории и религиоведения Н.В. Потаповой.

периода и наступлением времени возрождения веры в к. ХХ в., с которой люди связывали духовное возрождение в практически новой стране.

Исследование современной религиозности показывает ее противоречивость, позволяющую говорить об определенных тенденциях и симптомах, но не об однородной устоявшейся ситуации, понимание которой, поэтому, требует анализа разных аспектов функционирования веры – в ее церковной и внецерковной формах. К числу наиболее сложных, требующих изучения проблем, следует отнести выяснение роли и задач служения приходского священства, на которое ложится основной груз работы по возвращению народа в русло православия. Для этого необходимо ответить, по возможности, на ряд вопросов, среди которых главными я считаю следующие: как и в каких категориях осмысляют суть своей деятельности на современном этапе сами священники, их оценка существующей религиозной ситуации в приходе (и шире – в стране) и соответствующая рефлексия на возникающие сложности, формулирование ими основных направлений работы с паствой, специфика взаимоотношений представителя церкви и современного «мира». С другой стороны необходимо понять степень и условия готовности населения следовать по пути, который указывает им пастырь, выяснить, каков идеальный образ священника в глазах мирян разной степени религиозности, что ожидают они от духовного наставника и что не приемлют. Ответы на данные вопросы покажут сложность современного духовного окормления народа и шире – специфику взаимодействия церкви и мирского населения. Особое внимание будет уделено выяснению позиции современных священнослужителей в отношении народной религиозной культуры с ее особым мировоззрением, своеобразными понятиями, предрассудками и обрядовыми актами⁵.

Напомню, что вместе с христианством в русскую землю пришла и сложная система взаимоотношений церкви и православных жителей страны, их просвещения и христианизации. Институт пастырского служения, как и все церковные составляющие, имел свои отличия в каждый исторический период существования государства. Но при любых изменениях социальной или политической

ситуации в стране приходской священник оставался лицом, связывающим мирской мир с миром святости, в этом было его главное назначение. Возвращение с 1990-х годов возможности свободного исповедания веры, возрождение и (или) привнесение церковно-приходской жизни, ставит вопрос о месте священника в новых формах функционирования общества, с его новыми ментальными и социальными установками. Современное духовное состояние общества и тем более вектор его направленности в будущем во многом зависят от влияния церкви и результативности усилий каждого пастыря.

Основным объектом исследования являются приходские священники в сельской местности и малых городах. Специфике и проблемам церковного служения на приходах в дореволюционное время уделяли немало внимания как светские исследователи, так и церковная пресса, особенно в к. XIX – начала ХХ в. Однако, как справедливо заметил автор современной монографии о приходских священниках, их пастырской деятельности и отношения к народной культуре А.Н. Розов, в посвященных данной тематике гуманитарных исследованиях «как правило, в тени оказывается служитель храма, благодаря которому осуществлялось благотворное, в той или иной степени, воздействие христианства на разные сферы человеческой деятельности»⁶. Библиография изучения священства, в основном в региональных масштабах, в последнее время расширилась. Особо можно отметить насыщенную фактическими данными и их анализом монографию Т.Г. Леонтьевой «Вера и прогресс», однако основное внимание автор уделила социально-экономическим и юридическим аспектам священства, духовная сторона службы пастырей осталась практически вне ее интересов⁷.

Тема данной статьи не подразумевает изучение социального, экономического или правового положения приходских пастырей, в данном случае основное внимание уделяется их характеристике как служителей Бога, единая цель деятельности которых не исключает разные варианты ее осуществления. Не ставится задачи и охарактеризовать приходскую жизнь в целом. Термин «приход» в статье употребляется как обозначение локаль-

⁵ Разумеется, никакой особой религиозной культуры, отличной от церковной, у простого народа — крестьянства, конечно, не было. Суеверия, которых было немало и у других сословий, не определяли характера церковности, не указывали ни какое двоеверие, а лишь говорили об отклонениях от веры у отдельных представителей как простого народа, так дворянства и проч. сословных групп. — Ред.

⁶ Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. С. 215.

⁷ Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс. М.: Новый хронограф. 2002.

ной территории с проживающим на ней сельским населением, православная жизнь которого находится в ведении определенного храма⁸. Отчасти также организована церковно-приходская жизнь в небольших городах. Сами священники по-разному определяют реальный состав «прихожан», относя к ним только людей воцерковленных (3-5%), или же всех, обращающихся в данный храм при необходимости религиозных «услуг». Я в дальнейшем употребляю термин прихожане в его втором варианте, тем более он справедлив в отношении сельской местности, где все население связывает свою религиозную жизнь с местным храмом и его настоятелем.

Для выводов и заключений используется современный материал, собранный автором во время полевых выездов в ряд регионов России с использованием данных из соседних приграничных белорусских и украинских областей. Сбор необходимого материала заключался в параллельных беседах с священнослужителями и жителями приходов. Использовались также опубликованные или размещенные в Интернете комментарии священников по разным вопросам и, главное, их раздумья и наблюдения – итоги пастырской службы. Поскольку институт священства – традиционная форма практического взаимодействия общества и церкви, будет сделан небольшой экскурс в прошлое с привлечением сопоставительных материалов, относящиеся ко второй половине XIX – началу XX в., показывающих как устойчивость религиозной жизни в целом, так и реакцию церкви и православного общества на социальные изменения и катаклизмы.

В глазах пастыри рукоположенный на служение священник должен был олицетворять земную церковь, такова была изначально идея корреляции церкви и светского общества. Но удавалось ли ему всегда соответствовать данному статусу, или, скорее, позволяли ли ему находиться на должной высоте те обстоятельства, в которые он был поставлен? Подчинение государству⁹, дополнительные светские обязанности, специфика материального обеспечения и многие другие факторы существенно осложняли положение духовного лица, о некоторых нюансах пастырской службы будет сказано ниже. Но главным фактором, определяющим место и роль священника,

возможности его деятельности можно считать специфику *народной религиозности*, ее своеобразие и зависимость от социальных изменений в разные периоды истории. Эти обстоятельства воздействовали на ситуацию до революции и особенно остро сказались в предреволюционное и начало послереволюционного времени¹⁰.

В целом обязанности пастыря были определены церковным уставом, основное – совершение богослужения и всех треб и надзор за их своевременным и неукоснительным исполнением прихожанами. Духовным его назначением было и остается укрепление в сердцах и душах пастыри веры, соответствующей учению и канонам церкви. Кроме того, в XIX в. на приходском пастыре лежала масса других обязанностей – подача демографических сведений, открытие школ и даже агитация в пользу оспопрививания, и конечно, отчетность о духовном состоянии пастыри, в том числе ее лояльности к существующей власти и т.д.¹¹ Строгий надзор сверху над выполнением всего круга обязанностей превращал порой религиозного пастыря в лицо, которое можно определить как «духовный исправник» (по аналогии с исправником светским). Если совершение основных треб и таинств, составлявших основной объем пастырской работы, имело понятные рамки и формы исполнения, то борьба за чистоту веры, задачи которой формулировались весьма широко и часто не совсем определенно, доставляла пастырям массу хлопот и даже душевной боли. Реальная практика служения, методы и пути воздействия священника на пастыри зависели во многом от специфики религиозных настроений и убеждений окормляемой им пастыри.

Поэтому целесообразно остановиться немного на оценке религиозности русского крестьянства в XIX в. – начала XX в., как времени, ставшего переходным к будущим социальным катаклизмам. Многочисленные исследования этой области жизнедеятельности крестьянства, проведенные русскими и российскими этнографами и историками, часто приводят авторов к противоположным заключениям относительно специфики веры в этой среде: от признания глубины и истинности православия в народе до отрицания знания и понимания им сущности канонической веры, существованию в рамкой иной религиозной системы,

⁸ О приходах в больших городах, а тем более мегаполисах, надо говорить отдельно.

⁹ Само духовенство до революции не считало, что это «подчинение государству». – ред.

¹⁰ Подробнее см. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство дореволюционной России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. – 272 с.

¹¹ Там же. С. 17–25.

лишь отчасти включающей христианские наследия. Дело не в предвзятости исследователей, а в противоречивости имеющихся данных, основной массив которых – это описания религиозной практики крестьянства, отзывы и заключения о ней священников. Например, в конце XIX в. священник из с. Дмитровец Юхновского у. Смоленской губ. был вполне доволен ситуацией в своем приходе: «*В общем виде религиозное настроение жителей Дмитровской волости очень и очень утешительно. Понятие о любви к Богу и ближнему и боязнь Страшного Суда Божия в духе народном развито много и много. Слово, данное с клятвою, исполняется свято и никогда без крайней и извинительной причины не нарушаются. Слово “грех” в одну минуту может остановить даже обдуманно подготовленное дело*»¹². По иному оценивает духовное состояние своей паствы священник из Никольской церкви Грязовецкого у. В 1869 г. он пишет: «*расположены к молебствиям, однако не бывших у исповеди и причащения третью*». Уклонение от исполнения таинства объясняет «*их неразвитостью и грубостью, по которой все несмертные грехи привыкли считать ничтожными, не требующими очищения*». Дополнительной причиной слабой воцерковленности в селе он называет уход молодежи на заработки¹³.

Отношения пастырей и паствы складывались по-разному. Один из определяющих факторов – специфика организации церковной жизни. Так, на Русском Севере большинство храмов возникало по инициативе и на средства крестьян, они же должны были содержать священника, то есть отдавать назначенную ругу и выделять ему землю. Отсюда некоторая напряженность в отношениях мира и духовенства¹⁴. В конце XIX в. один из сельских пастырей отмечал, что «*священники и причт тут, как и везде, тянут свою житейскую лямку, отношения с крестьянами холдноватое*»¹⁵. В заключении, сделанном Вологодской консисторией после инспекции церквей, отмечается несоответствие ситуации, в которую поставлен священник, с задачами духовного развития общества. «*Нельзя умолчать хотя и о многовековом, но продолжающемся и по настоя-*

ящее время “средостении” между священником и прихожанами, сложившимся с одной стороны из борьбы с различными препятствиями для обеспечения своего существования, а с другой – из тех многоразличных приспособлений, форм и разных оттенков при подаче жертвований духовенству – чтобы показать его зависимость, принужденность и желание располагать его совестью и волею и вообще зависимым положением... Изменилось время, изменились во многом условия жизни прихожан и духовенства, их понятия и нравы и более облагородились потребности для жизни материальной и духовной. И духовенству остается тяжелее сознавать свою зависимость, свое принужденное состояние. И дивно ли, что слово пастыря иногда невлиятельно в приходах? Что в потребное время оно не всегда выходит из уст?»¹⁶.

Материальные противоречия не меняли общей традиционной картины жизни села, не мыслящего себя без духовного пастыря. Личный авторитет священников мог быть не одинаков, однако в любом случае он оставался гарантом соучастия мира святости во всех житейских делах. Поэтому проявление уважения к нему было одновременно и выражением благочестивых чувств. Материалы середины и второй половины XIX в. – не только данные священнослужителей, но и массовая корреспонденция из сельской местности в духовные консистории свидетельствуют о высокой степени религиозности и доверия сельчан к своим пастырям. «*Слово священника на сходе имеет большое значение. Стоит ему о чем-нибудь попросить (например, собрать по пол пуда с души на храм, обсадить березами церковную ограду) и просьба его будет уважена. Обращаются за советом в тяжелых делах. Потеряет ли крестьянин скота, делается ли нездоров, будет ли день его ангела, он идет в церковь и служит водосвятный молебен Божьей Матери*»¹⁷.

В сообщениях конца XIX – начала XX в. неоднократно отмечалось изменение социально-культурного состояния деревенской жизни, показателем чего, как отмечали, стало появление крестьян «*новой формации*»¹⁸, что требовало и нового подхода к взаимодействию с паствой. Усилившаяся в поре-

¹² Государственный архив Смоленской обл. (Далее ГАСО). Ф. 391. Оп. 1. Д. 6. Л. 96.

¹³ ГАВО. Ф. 1063. Оп. 85. Д. 4. Л. 5

¹⁴ Листова Т.А. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика // Русский Север. М., 2001.

¹⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 191. Л. 26.

¹⁶ ГАВО. ф. 496. Оп. 1. Д. 15634. 1884. Л. 76 об. – 88.

¹⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. Д. 327. Л. 6. Вологодская губ., Сольвычегодский у., Чакульский приход.

¹⁸ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. За. Л. 82об-83. с. Язвено Ельинского у. конец XIX в.

форменное время катехизаторская деятельность священников давала очевидные положительные результаты даже в неспокойном 1905 г. К такому выводу пришли члены Вологодского православного церковного братства во имя Всемилостивого Спаса. Особенно повлияли на крестьян беседы о прославленном Церковью прп. Серафиме Саровском, усилившие их религиозные настроения¹⁹.

Но одновременно на рубеже веков, особенно после 1905 г. в деревню все активнее проникают новые, чуждые крестьянину веяния, все чаще встречаются жалобы священников на «свободомыслие» селян и брожение умов, не свойственное православному крестьянину. Идеи отречения от «старой жизни», охватившие все слои населения, сразу обострили болезненные проблемы взаимоотношения служителей церкви и «содержавшего» их крестьянства. В рукописном отделе музея г. Тотьмы хранится характерное для тех лет горестное описание ситуации в Раменском приходе, сделанное местным священником. По его словам «война 1904-1905 г. докатилась и до Раменского прихода». К нему пришли «мужички» с приговором схода, в котором объявляли об отказе платить часть руги. Священник отказался подписывать приговор и решил подождать. Дальнейшие события показали насколько не пошатнулись еще традиции православной жизни села. «Пришла Пасха. После обедни, когда народ стал подходить к кресту, заявил им об их приговоре и сказал, что если вы уничтожите приговор и будете по-прежнему платить причту, то буду ходить по домам со славою и иконами, а если будете поступать по приговору, то не стану ходить в ваши дома. Народ закричал: “По старому, по старому”. Так приговор и заглох»²⁰ «Отказные» настроения захватили и другие приходы. «В декабре 1905 г. крестьяне Спасского общества составили приговор, которым отказали причту от добровольно собираемой ранее руги, а также сократили плату за требы, приговор этот был переслан потом в Спасское верхнее общество и далее в тех обществах также написали подобные приговоры. Стали грозить погромами квартиры управляющего и дома священников»²¹.

Еще более трагичным стало состояние священников после 1917 г. Сама ситуации в деревне была в это время весьма противоречива. С одной стороны народ не стал безрелигиозным, точнее, по-прежнему не мыслил существования вне церкви, что подразумевало и традиционное соучастие священника в различных событиях крестьянской жизни. Приведу две характеристики обрядовой жизни вологодского села начала 1920-х годов. «В новый дом – молебствие и новоселье. Приглашают священника, молебен, берут иконы, несут в новый дом, чтобы отогнать нечистую силу, присутствующую по их мнению в новом доме и попросить помочи у Бога»²². В «Очерках быта кокшаров и присухонских крестьян» вологодская исследовательница В.М. Соболевская среди прочих обычаев этого времени отмечает: «Невеста перед свадьбой ходит в церковь с матерью или божаткой»²³. С другой стороны – атеистическая пропаганда давала свои плоды.

Еще в 1918 г. священники настолько уверены в незыблемости (непоколебимости) православной веры в народе, что относят возможность распространения атеизма, отказа народа от церкви к числу «утопических» предположений. Так, в Летописной книге священник Быстров из Тотемского у. записывает: «В 1918 г. возвращаются солдаты с фронта с утопическими идеями: не будет войны, не будет налогов, не будет угнетающей нас власти, нет Бога, долой иконы, не нужно попов»²⁴.

После революции государство не только начало открытое преследование священнослужителей, но и постаралось вбить клин между прихожанами и окормляющими их духовными наставниками. Одной из причин конфликтных ситуаций становилась приверженность крестьян религиозному укладу жизни, их восприятие традиции как основы стабильности земного устроения и как следствие – их противостояние принудительным нововведениям, в частности установлению нового стиля времязчисления. Священники оказывались перед выбором: нарушить вековую традицию и вызвать недовольство прихожан или же отказаться и подвергнуться репрессиям властей. Сложную и весьма типичную для тех лет ситуацию в одном

¹⁹ Общее собрание членов Вологодского православного церковного братства во имя Всемилостивого Спаса. Вологда, 1905.

²⁰ Духовенство и революция. 1905 г. Рукописный отдел Тотемского музея. Д. 221. Раменский приход Харинской вол. 1905—1907 гг.

²¹ Там же.

²² ГАВО. Ф. 4389. Д. 166. Оп. 1. Л. 6. 1924 г. Кадниковский у. с. Перебатино.

²³ Там же. Ф. 4389. Д. 144. Соболевская В.М. 1920. Л. 51.

²⁴ Там же. Ф. 4389. Д. 248. Свящ. Быстров. Духовенство и революция. Выписки из летописных книг, их взгляды на революцию. Вотчинский приход.

из приходов Тотемского у. приводит священник из Кулибаровского прихода Тотемского у.: «*Наступил 1919 г. с беспокойством и тревожном настроении духа. ... гражданин — жителей нашего прихода, привыкших жить по-старому, века-ми сложившимися условиями жизни. В канун первого января по новому стилю в наше место прибыл член исполкома Тотмилиции и предупреждает здешних граждан, что завтра новый год; должна быть обедня по случаю Нового года и никто не должен в этот день работать. В этот день является ко мне староста и передает мне слышанное от прихожан д. Кулибарово разговор, если священник будет служить обедню по приказу Исполкома, то мы его вытащим из церкви. Службу я все-таки служил*²⁵. Данная ситуация достаточно характерна для тех лет. Ощущаемый и церковью, и крестьянским обществом трагизм разрушения традиционного уклада жизни звучит и в описываемой исследователем жизни вологодского крестьянства Скородовым ситуации в одном из приходов губернии, где причиной волнения крестьян стала агитация евангелистов и одновременно распоряжение ввести изменения в богослужение. Рассматривая подробно причины коллизий между привыкшими к традициям церкви прихожанами и вынужденным подчиняться новым властям духовенством автор делает печальный вывод: «*Как быть с тем, к чему привыкли, как быть с той обрядностью, которая с детских лет привита. И народ становится на распутье, какой дорогой идти. Да оно и понятно, что нашему народу еще до сего времени нужна какая-нибудь вера, ибо вера в нашем народе была моралью и удерживающим моментом против всего дурного. Но теперь уже вера попирается, а народ с этим примириться не хочет. Но церковь потеряла свою устойчивость, священнослужители отступили от своих прямых доктринальных заветов, так думает народ*²⁶.

Религиозные хроники 1920-х годов, содержавшие записи священников, полны скорби не только по поводу всё ужесточавшихся преследований властей, но и обиды на отказывавший им в помощи народ. «Хотя мы и трудимся для того же народа и работать приходится до старости лет просто до изнеможения, — порой рад бы-

ваешь и смерти, но и смерть бежит» — писал священник Иоанно-Предтеченской Голубковской церкви Вологодского у. Отказывают же крестьяне в помощи, поскольку считают причт «дармоедами»²⁷. Тем не менее, религиозная ситуация в разных приходах России могла выглядеть несколько иначе, не везде отношение паствы к священникам выглядело столь трагично²⁸. Материальное положение священства поддерживалось за счет выполнения треб и совершения таинств, потребность в которых, постепенно уменьшаясь (отчасти в силу обстоятельств), сохранялась в селах и маленьких городах всё советское время. Там, где действовали храмы, все календарные праздники обязательно включали и молебны священника. Вот как вспоминала 1920-е годы жительница большого с. Хмелиты Смоленской обл. 1902 г.р. «*Пасха — в первый день ожидают священника. 3-4 мужчины берут иконы, а пятый крест — это “похрестники,,. Батюшка идет в каждый дом и служит молебен. И всю неделю ходит в каждый дом и за ним толпа народа. И все поют Христос воскрес. И яички катают. Священнику платили в каждом доме. И все давали по яичку, и похрестникам. Жены мираносицы — женский праздник. Собираются женщины и батюшка служит молебен. По первости и при колхозах собирались. Но трудно, заставляли же работать*» (1987).

Во второй пол. XIX в. и, тем более в начале XX-го, приходское духовенство не было однородным, но в целом жило интересами своих подопечных, что отличало их от священнослужителей — богословов, на первое место ставящих различные вопросы веры. И те, и другие понимали, что вера народа далеко не всегда отвечает идеалам церкви, но делали разные выводы относительно ее специфики и соответственно методов общения с паствой. Для первых было понятно, что для крестьянина вера всегда коррелируется с его земными нуждами, для его веры достаточно признания существования Бога, от которого зависит земное благополучие людей. В соответствии со знанием крестьянской психологии сельские батюшки строили свои проповеди, которые во второй половине XIX в. стали обязательной составляющей пастырского служения, содержание их проверялось епархией²⁹. В рецензии на проповедь священника Александра Заварина из Усть-Сысоль-

²⁵ Архив Тотемского краеведческого музея. Д. 248. Л. 11. 1919 г. Кулибаровский приход.

²⁶ ГАВО. Ф. 4389. оп. 1. д. 165. Л. 15—16. 1924.

²⁷ ГАВО. Ф. 1063. Оп. 53. Д. 10. Л. 41.

²⁸ Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 62—73.

²⁹ Подробный анализ проповедей см. Розов А.Н. Указ. соч.

ского у. благочинный в качестве достоинства отмечает ориентацию содержания на крестьянский менталитет слушателей. «Нельзя не отметить автору справедливости в добрых намерениях понятно говорить своим духовным детям о предметах близких к быту, обличать слабости и нравственные недостатки, именно им свойственные. Задавшись этой целью он через аналогии с предметами видимой природы, сельскохозяйственных действий и их последствий, рассматривает практическую сторону и смысл различных исторических событий, делает взгляд на нравственное наличное состояние своей паствы и говорит против ее недостатков, обличает, например, обычай детей – запирать от родителей хлеб, выдавать им оный весом, или жаловаться на их бесполезную, даже обременительную долголетность». Как недостаток рецензент отмечает «преследование им популярности в изложении поучений», следствием чего стало появление таких фраз как: «гора добрых дел», «у человека счастливого всё клеится», «куча денег», «с деньгами человек ходок», «поздравим пресвятую Богородицу с днем ее славного рождения» «Апостолы оставили учение Христово почти без внимания». Но возможно, что появление подобных фраз объясняется уровнем образования священнослужителя. Более печальным выглядит сделанный священником вывод об эффективности поучений. «В новейшее время учителю церкви трудно бороться с шатаниями человеческими, проповедника, по-видимому, слушают, но жить по проповеди не хотят»³⁰.

Наиболее ярким представителем второго типа священников можно назвать отца Павла Флоренского – религиозного мыслителя, человека истинной веры. В его воспоминаниях о выполнении им функции полкового священника в Первую мировую войну, есть следующий эпизод, характеризующий как точку зрения крестьянина на свое место перед Богом, так и стремящегося к идеальной вере о. Павла, усматривающего в извечной крестьянской мечте о земле только влияние пропаганды. «Он (солдат. – Т.Л.) с жаром доказывает, что Бог не взыщет грехов с крестьянина, так как мужик трудится всю жизнь. На мое указание, что трудятся не только мужики, он опять отзыкается с недоверием и полагает, что городские жители все очень обеспечены и не имеют ни горя, ни забот. Всё твердит о Земле: “Вот как бы ее разделить”. Все мысли его в пределах

земного, трансцендентная же сторона жизни чужда его душе; весь он пропитан запахом трехкопеечных брошюр о свободах и т.п.»³¹.

Но даже понимающие все нужды крестьян и сочувствующие им священники лишь до некоторой степени являлись органичной частью крестьянского сообщества, что усугублялось их обязанностями не только перед церковью и перед Богом, но и перед государством. Так, они должны были следить за исполнением епитимьи, наложенной на кого-то из прихожан светским судом. В конце XIX в. и тем более в начале XX в., при явном упадке религиозности, эта функция не только становилась дополнительной нагрузкой на священника, но в известной степени вынуждала его противостоять интересам прихожан. Отрицательные последствия зависимости священника от светской власти активизировались в начале XX в. и особенно в период Первой мировой войны на волне развернувшегося движения за отделение Церкви от государства. Как считали активисты этого движения, срастание Церкви как предстоятельницы Бога на земле с государством стало причиной ее ухода из пространства истинной веры. Государственный статус Церкви, по мнению сторонников ее независимости, стал причиной негативных настроений населения в ее отношении, дал возможность агитаторам настраивать против нее народ. Не против веры, а именно против ее антисоциальной – в едином русле с государством роли. Приведу отрывок из одного выступления подобного рода. 25 мая 1918 г. Гжатский Революционный трибунал рассматривал дело священников, обвинявшихся в неисполнении Декрета о передаче регистрационных (метрических) книг советской власти. Выступавший на суде Ростовцев дал развернутую аргументацию обвинения, использовав в полной мере характерную для революционных агитаторов демагогию. «Мы судим поповство, но не посягаем вовсе на святость верований простых душ, ищущих Бога, ищущих выхода своему мятущемуся духу и облекающих эти искания в простую бесхитростную веру. Мы судим вот этих “ратников Божьих”, этих смиренных служителей алтаря, мешающих нашему... Мы судим тех, кто не хочет отделяться от государства, как такового и не хочет в том, что власть церкви прошла, что она должна быть отделена от государства, должна стать на подобающее ей место и должна стать истинной церковью Христовой, а не

³⁰ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14693. Л. 1—Зоб.

³¹ Флоренский П. Отрывки из дневника. Заметки и впечатления. 1915 // Литературная Россия. 24. 01. 92. № 4.

орудием борьбы имущих классов за отжившие формы жизни человеческих и классовых отношений. Мы судим поповство, жречество, но не религию. Мы судим гражданских агентов власти, потому что попы именно ими и хотят быть, а не пастырями и вероучителями³².

С начала 1990-х годов Церковь вышла из-под диктата советского государства, действующего, в отличие от дореволюционного времени, по линии всевозможных запретов на любые проявления веры. Но когда настала пора свободного исповедания веры после многих лет разрушенной приходской жизни, то оказалось, что невозможно ввернуться к прошлому, где религия и ее проводник – священник были нормой функционирования общества, а поиски вариантов необходимого возвращения Церкви «в мир» выявили массу неизбежных сложностей этого процесса. С одной стороны – изменился состав паствы. Период воцерковления начался с вхождения священника в общество людей, желающих считаться и стать православными, но на самом деле обладающих светской ментальностью и не имеющими опыта взаимоотношения с церковью. С другой стороны – прервалось существование складывавшегося веками особого мира священства, с его особой культурой, с устоявшимися нормами, традициями, наработанными практиками, наследственным исполнением пастырского служения, с корпоративными взаимосвязями. То есть, отсутствовала практическая школа священства, передача опыта, осуществлявшаяся, в том числе, в развернувшемся во второй пол. XIX в. постоянным обмене мнениями, выступлениями священников в церковной публицистике. Поэтому, имея общие установочные рекомендации – нести веру в народ, на практике каждому священнику предстояло самому выбирать методы общения с паствой. Ситуацию усложняла слабая подготовленность многих новых иереев, а также необходимость менять форму работы для тех священников, кто исполнял свои обязанности в советское время.

Между тем, к 1990-м годам уровень религиозной грамотности и степень соучастия веры в жизни русских был столь низок, что возрождение религии стало в известной степени второй христи-

анизацией. Для православных людей прошлого священник был частью их мира и тем необходимым звеном, которое соединяло их с горним миром. Именно он, как правило, был их духовником, пастырем, отсутствие же его воспринималось как антитипа, что нашло отражение и в религиозном фольклоре. В известном апокрифическом тексте «Сон Пресвятой Богородицы» архангел Михаил показывает Богородице «муки разные». Находящиеся по горло в огне – «это суть дети, что отцов духовных не почитали». К «червю неусыпающему» попадают за разные грехи, в том числе и те грешники, кто «отца духовного не имели»³³. Но 70 лет жизни без церкви (но не безрелигиозной жизни) людей отучили от практики обращения к духовному пастырю как необходимому посреднику между двумя мирами³⁴.

В советское время в сознании людей укрепилась, и стала передаваться по поколениям мировоззренческая формула: «Бог должен быть в душе», что, даже при непонимании сущности Бога, было действенным фактором сохранения веры в его всемогущество³⁵. Непонимание смысла обязательных для христианина таинств покаяния и причащения и роли священника в данных мистических актах, да и зачастую просто нежелание усложнять свою жизнь слишком глубоким вхождением в мир церковных требований – это одно из основных препятствий, вставших перед пастырями на рубеже XX–XXI веков и не потерявших свою актуальность и в данный момент. Потребность личного обращения к Богу и формы ее реализации зависят во многом от эмоциональности человека: от простого молитвенного произнесения его имени до более развернутых форм с элементами мистики и пантеизма. По словам молодой женщины из восточной Белоруссии ее религиозная практика выглядит следующим образом: «Я так молюсь. Иду в лес, сажусь на пенечек и чтобы меня никто не слышал, не видел, наедине с собой. Смотрю в небо и что-то к Богу. Зачем мне посредник?! Лицо Иисуса представляю, живое или парит где-то» (агрородок (а/г) Новые Самотевичи Костюковичского р-на Могилевской обл., 2016).

От обращения к священнику многих удерживает именно отсутствие опыта церковной жизни и

³² Иеромонах Рафаил (Ивочкин). Гжатская земля: православные храмы. Смоленск, 2015. С. 37

³³ АРЭМ Ф.7 Оп. 1. Д. 345. Л. 23 об. Тотемский у.

³⁴ Как бы ни была сложна и трагична церковная жизнь в советское время, но было бы ошибкой говорить, что «70 лет народ жил без Церкви». Правильнее было бы утверждать, что 70 лет прошли в тяжелом противостоянии государственной атеистической власти и Церкви с верующим народом. — Ред.

³⁵ Сложно согласиться здесь с автором статьи, что какая-то упрощенная форма веры могла быть благом для верующих или же маловерующих. «Бог должен быть в душе» — это воздействие не только советского режима, боровшегося с церковностью, но и влияние протестантского Запада, где проповедуется эта мысль. — Ред.

вследствие этого – привычки к подобным контактам, восприятие священника как «постороннего» человека, что вызывает невозможность откровенности, непонимание тайного характера исповеди. Такие настроения очень характерны для лиц среднего и старшего среднего возраста, чье психологическое формирование пришлось на советское время. «*Я не исповедовалась ни разу, наверное, не созрела. Хожу в церковь, всё это приветствую, иконы у меня есть. Но могу покаяться перед Богом, но пока рассказать всё священнику – не созрела. Да и страшно: городок у нас небольшой, если батюшка расскажет...*» (г. Дубровно Витебской обл., 2001). Непонимание прихожанами сути таинства исповеди является, по общему мнению священников, одним из наиболее проблемных моментов их служения. «*Грешна* – и всё. У неё как дознаватель выпытываешь. Нужна добровольная исповедь. Если хоть один грех назовет, можно допустить до причастия. (Какой большой грех считают?) «*Я не убивала и не крала*». Молодые приходят редко, а бывают и выпившие, так нельзя причащать» (о. Виктор. г. Клинцы Брянской обл., 2014). Проблемы с принятием исповеди – не проходной эпизод церковной практики, поскольку исповедь – необходимый этап очищения человека перед причастием, отношение к которому, его место в религиозном сознании являются основными показателями наличия веры в человеке, тем самым камнем, который дает ему возможность позиционировать себя православным христианином. И именно недостаточность понимания мирянами причащения как условия сопричастия миру Христа можно считать основной болевой точкой миссионерской деятельности Церкви.

Положение священника зависит от желания паствы видеть в нем самом сакральную сущность, отличающую его от профанного мира с его недостатками, корыстью, ложью и т.д. Как представитель божественного мира пастырь должен быть вне земных пороков, проявление их даже в малой степени может вызвать отторжение паствы. Обсуждению и даже порой осуждению подлежит любой поступок, приравнивающий поведение священнослужителя к обычным вариантам поведения мирян, противоречащий сложившемуся в их среде стереотипу служителя церкви (Бога): «зачем воду жене носит, зачем в магазин за продуктами идет – не положено». Болезненным моментом в отношениях прихожан и их духовного наставника являются, к сожалению, нередкие

пересуды, незаслуженные подозрения в денежной нечистоплотности настоятелей храмов. Неприятие вызывает некоторая, часто обычная даже для современного села, степень материального достатка священника. Крайнюю, но довольно распространенную точку зрения высказала молодая девушка из г. Шацка в сочинении о своем понимании религии (о сочинениях см. выше). «*Сама я в Бога верю, но не верю в церковь. Поэтому что считаю, что каждый должен быть верующим прежде всего в душе и чтобы его вера была искренней. А люди, которые ходят в церковь, не всегда чисты душой. В некоторых церквях стоят кассовые аппараты³⁶, значит, они нам не доверяют. Некоторые попы имеют машины и ведут обычный образ жизни, не считаюсь с законами церкви. А мы к таким ходим на исповедь, считаем их святыми*». Последнее определение – «святой отец» часто встречается в обращении к священникам, что показывает отождествление служителя церкви со святостью совершаемых им актов, о неправомерности подобного обращения постоянно говорится в церковных разъяснениях.

Для крестьянской религиозности прошлого также было характерно желание видеть соответствие поведения священника и проповедуемых им христианских заповедей, но всё же четче чувствовалось восприятие священника как лица, через которое идет общение с Богом. В этом отношении интересен рассказ-притча, записанный в Смоленской губ. где-то в первой четверти ХХ в.

«*Жил страдник – ходил всё Богу молился. Под конец своих дней вырыл себе землянку – постелился. Поп с того села его часто проводывал – ну, того-другого ему подавал. Занедужил страдник, чувствует, конец ему приходит, да и поп об нем вспомнил, думает, дай страднику отведаю, на путь наставлю. Приходит, а страдник ему: «Как ты, такой сякой жизни, меня, праведного человека наставлять можешь».. И не принял попа. Занедужился после того еще сильнее, а смерти Бог не дает. Три года так пролежал ни жив, ни мертв и стал каяться, что согрешил, не принял попа. Собрал кое как силы, поплелся в церковь. Идет дорогой, а на пути с ним такой же старичик сходится. «Здравствуй, дедушка», говорит. «Здравствуй», говорит. А куды идешь? – Да в церковь, батюшка, поговореть, поисповедаться» – «Ну и я тоже. Пойдем вместе». Пошли. Чуть идет страдник, замучился. Хотя бы водицы по-*

³⁶ Мне ни разу не встретилась подобная практика. Данное утверждение скорее относится к области негативных слухов.

пить, говорит. А пойдем дальше, может где и нападем. Вот видят возле самого села из-под тына поповского ручеек течет, да светлый такой. Привалился страдник, напился "Вот так вода". – "А что?" – "Да слаще меду. Вот бы разузнать, откуда такая вода берется". – "А пойдем, посмотрим". В тыну калитка, отчинили. Вошли. Что ж видят: ямка, а в ней пес лежит, а у того пса изо рта пена клубом идет, а от той пены и ручеек тот течет. Ужаснулся страдник: что ж это я наделал, осквернился. Нет, говорит другой. Ты не осквернился. То вода была полезительна. Ведь то не пес в вертограде, а поп в наряде. Что за ним водится, за то сам он ответчик, а речи его наставления, что тот ручеек всякому полезительны. Сказал и пропал. А страдник в храм пошел к тому попу исповедаться, причаститься, а после того и преставился»³⁷.

В этнографических материалах прошлого есть данные, свидетельствующие о понимании прихожанами того факта, что священник наделен от Бога особой благодатью, которую можно использовать и не только за богослужением. Например, крестьяне Сычевского у. считали, что зажин должны сделать старая вдова, наделенная в народной культуре качеством чистоты, и священник³⁸. В спорных делах священник выступал как гарант присутствия божественной справедливости. Так, в Иркутской губ. существовал особый вид клятвы, «показывающий в народе уважение к пастырям своим». Когда разбор спора на мирской сходке оканчивался ничем, истец предлагал своему обидчику идти в храм и «сказать перед духовным отцом своим сознание или отрицание и "побожиться». После совершения положенных обрядов ответчик призывал Господа покарать его, если он неправ. «После сего тяжущиеся считают уже грехом идти на суд гражданский. При этом просят, чтобы священник надевал епитрахиль и ризу, иначе присяга "не истовая»³⁹. Еще более показательна история обретения мощей св. Прокопия Устьянского чудотворца. Был найден гроб, который не могли открыть с помощью молитв, причем даже тогда, когда принесли икону Божьей Матери. И только когда позвали священника, «покадив гроб, открыли»⁴⁰. Эти примеры показывают, что святость сана священника, исполнение именно им молитв, могли, по мнению мирян, давать в некото-

рых ситуациях особый чудодейственный эффект.

Обращение к священнику как к лицу, наделенному правом передачи благодати – распространенный вариант современной религиозной практики. За благословением к приходскому батюшке приходят перед армией, экзаменами, отъездом в дальний путь, его зовут освящать различные учреждения, жилые дома, особенно, если возникают сомнения в «чистоте» помещения. Сакрализованное отношение к служителю церкви явно сказывается в нередких просьбах прихожан дать совет по разным житейским вопросам, что, как мне кажется, имеет даже большее распространение, нежели в XIX в. Неоднозначно отношение пастырей к самой возможности брать на себя право разрешать чужие проблемы – от категорического отказа от такой практики до полной готовности соучастия в делах прихожан, разный подход зависит и от позиции священника, и от знания им своего прихода. Довольно типична позиция о. Михаила из пос. Езерище, предпочитающего отсылать обращающихся со сложными вопросами к людям, более духовно сильным: «Посоветоваться приходят, попросить благословение. Но я не имею права решать за них, только посоветовать. Если я не могу, то отправляю к старцу, в Невеле есть архимандрит Варнава чудесный человек, в Свято-Троицком храме на площади. Он с 23 лет монашествует, был в Псково-Печерском монастыре. Что-то может и предвидит» (Витебская обл., 2010). Таким образом, практика окормления приходского священника выходит, как и прежде, далеко за пределы совершения богослужения и исполнения им треб и таинств. Он по-прежнему, отец духовный для своих прихожан.

Беседы как со священниками, так и с их прихожанами показывают невозможность дать однозначный ответ на вопрос: какой тип священника пользуется наибольшей популярностью в среде мирян, каким они хотят его видеть. В одних местах жители хвалят своего настоятеля, и даже хвалятся тем, что их батюшка действительно «как святой – весь в Боге», он не стремится сблизиться с паствой, но к нему тянутся, чувствуя его духовную высоту и доброту к людям. Другие священники привлекают своей общительностью, активностью, интересом к жизни своей паствы, что имеет и определенное миссионерское значение. Такие батюшки особенно незаменимы на началь-

³⁷ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.

³⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1624. Сычевский у. с. Тесово.

³⁹ Руководство для сельских пастырей. 1864. Т. 1. С. 241—242.

⁴⁰ АРГО. Р. 7. Оп. 1 Д. 12. 1849 г. Вельский у. Л. 9.

ных этапах восстановления прихода. Как вспоминают прихожанки в г. Жиздре «Женщины ходили, сами храм восстанавливали. И не верили, что построим. Одна все говорил: «Мир все построит». Ну и отец Константин – энергичный. У священника есть подход к людям. И больше женщины приходили. Батюшка сам разгружал, это же во славу Божью» (Калужская обл., 2004).

Для привлечения мирян в церковь важно и умение батюшки находить подход к разным контингентам прихожан: «О. Виктор в Шайковке молодой своеобразный, но молодежь его понимает, он с ней на одном языке говорит» (г. Киров Калужской обл., 2012). Соединение практичности, высокой и активной духовности, своего рода религиозной харизмы в приходском священнике притягивает к нему не только местных жителей, но и верующих из других регионов, а сам он в глазах народа приобретает ореол святого подвижника. Такова, например, история почитания о. Ермогена (схимомонах Ефрем, скончался в 2014 г.) из с. Кузьмичи Ершичского р-на Смоленской обл., собравшего вокруг своего храма общину верующих женщин и восстановившего церковное хозяйство, где нашли работу и его прихожане. По словам местных жителей, его авторитет, сила воздействия на людей в целом оздоровили нравственный климат в селе. «В церковном хозяйстве от 300 до 500 руб в день, это мало, но благодаря им (прицерковной общине. – Т.Л.) деревня живет. Люди в храм едут, раз едут, значит деревня живет. При о. Ефреме очень много народа. Он молебны проводил – очень действенные. Он очень добрый был, из него свет изнутри лился, из глаз, из души. Он выходит из алтаря, и, наверное, у людей тоже душа светилась, глядя на него» (Смоленская обл., 2016).

Тем не менее, среди служителей церкви, особенно среди молодых, получивших образование в послеперестроенное время, существует несколько скептическое отношение к «чрезмерному» почитанию отдельных священнослужителей и, тем более, сомнение в необходимости возведения в ранг святых лиц из мирян, прославленных народной религиозностью. Данная тенденция рассматривается как помеха основному назначению церкви –вести народ к истинному пониманию веры. «Старцы – это тоже болезнь нашей Церкви, трепетное отношение к нашим старцам. А кто это?! Макария, Настя Вяземская⁴¹ – там есть материалы для канонизации. Но у нас и при жизни называют старцами. Есть батюшки и монахи,

которые преуспели в духовной жизни, их очень мало и они не являются в настоящее время, стараются скрыться. А есть лжеподвижники. А как отличить?! Голос Церкви – это голос соборов. А старцы.. Ищут старцев, чтобы решить свои проблемы» (О. Роман благочинный Спасо-Преображенского монастыря г. Рославля, 2016).

Еще более радикальное мнение высказал священник из пос. Ершичи Смоленской обл. Его неприятие культа «народных святых» – это не проявление неуважения к чувствам верующих, а желание очистить веру в Единого Бога от наполнения ее сомнительными чудесами, борьбу с которыми вынуждена была вести церковь во всё время своего существования. «Святая Матрона – это двояко. Была Матрона – действительно святая женщина, а это культ ее – созданный в последние годы. И часто мне хочется сказать: «Святая блаженная Матрона, избавь нас от этого культа». И к Макарии Темкинской очень неоднозначное отношение, хотя знаю, что готовятся материалы к ее канонизации. Я ее не знал, но по рассказам – это не тот человек, которого я бы назвал святым. Поэтому нужно молиться за нее, а не ей. Она занималась такими вещами, которые на грани христианства и оккультизма. У нас среди почитаемых бывают такие, что много выдумывают. В свое время патриарх запретил паломнические поездки к Пелагее Рязанской. Там, вообще, ужасное дело, и к Макарии. Я не благословляю поездки к ней. Но это наша особенность, наши грех. Наша миссия, в частности, говорить, что важно, что второстепенно» (Смоленская обл., 2013).

Направление просветительской работы священников и условия ее результативности определяются в значительной степени особенностями современной религиозности мирского населения. К основным я бы отнесла явную боязнь верующих людей сделать что-то, противоречащее канонам церкви и тем самым привлечь на свою голову несчастья, их желание стать «правильными христианами». Постоянный страх нарушения норм особенно очевиден из касающихся самых разных аспектов поведения вопросов, часто абсурдных, поступающих на канал «Спас». Как по телевидению, так и на приходах священники не игнорируют возникающие вопросы, но постоянно напоминают о том, что бояться можно только одного – отказа от веры в Христа. Желая очистить веру от наслойений, от наполнения ее мелкими, не

⁴¹ Юродивые подвижницы благочестия из Смоленской обл.

имеющими значения деталями, священники часто не учитывают, что преимущественно эти наслаждения – результат народного восприятия церковного учения, продукт народной культуры, в которой люди живут и веками сообразуют с ней правила своего поведения. Отказаться от них – значит нарушить имевшие глубокий, хотя и не всегда понятный смысл, традиции. В представлениях наших современников, осознающих свою историческую принадлежность к православию, существует следующая неоспоримая, на их взгляд, корреляция: мы православные, наши предки и подавно были православными, значит установленный ими обычай, воспринимающийся как «закон», не может противоречить основам православной веры. Нарушение своих обычаяев даже под воздействием просветительских указаний священника также вызывает опасение последующего наказания.

Как считают священники, именно этот фактор становится главным препятствием в христианизации паства: «бороться с предрассудками сложнее всего в тех случаях, когда в основании действия лежит страх» (о. Сергей, г. Медынь Калужской обл., 2010). Наиболее устойчиво значимость страха актуализируется в современной обрядовой традиции, особенно в похоронно-поминальных практиках, гарантируя их неизменность⁴². Так, игнорирование жителями российско-белорусского пограничья постоянных увещеваний священников отказаться от трапез с алкоголем на могилах в поминальную Радоницу, местные миры объясняют так: «Сейчас все равно все с водкой. Закон уж такой. Раз мы родились в такой вере православной, в православную веру мы и верим. (д. Сапрыновичи Мстиславльского р-на, 2006).

Аналитические рассуждения священников о сущности народных представлений и своеобразии соответствующей практики показывают существенное расхождение тех доминантных религиозных смыслов, которыми руководствуются обе стороны. Нередко оценки пастырей страдают, на мой взгляд, излишней категоричностью и недопониманием основ народных представлений. Один из наиболее показательных примеров, обрядовый элемент похорон – предание умершего земле, воспринимаемый в народе как обязательное священное действие, едва ли не основной элемент, обеспечивающий благополучное отправление человека в иной мир. Данный акт заключается в том, что свя-

щенник во время отпевания высыпает освященную землю на умершего или на кладбище на гроб. При отсутствии священника при похоронах землю с могилы везут в любой храм – «для отпевания» и затем высыпают на могилу. По мнению о. Антония из с. Яловка чрезмерное придание важности данному обрядовому действию – это показатель ухода от понимания основного смысла христианских проводов умершего. «Когда гроб опускают в могилу, то священник первым посыпает землю со словами из Псалтири. Земля – просто могильная, лежать при отпевании ей не нужно. И никаких вариантов нет. На гроб рукой или лопатой сыпет со словами “Господня земля и исполнение вселенной и всех живущих на ней”. Если священник не идет на кладбище, то происходит некий спектакль, ненужный на самом деле. Мы делаем вид, что священник на кладбище пошел, что гроб опустили, что он, якобы, эту землю посыпал, но он как бы заранее эту землю благословляет, и как будто мы ее относим и сами посыпаем. Для чего нужна эта земля – ни для чего. Какое значение имеет? Хлопок одной рукой. Благословил землю, не благословил, ну какое отношение к спасению человека может иметь эта горсть земли?! Никакого. Если кто веру имеет и крестится – спасен будет, если не имеет веры – осужден будет. Если не будете есть тело мое и пить кровь мою, не будете иметь жизнь вечную. Это суть. Просто людям нужна какая-то вещественная святыня». Между тем, посыпание умершего землей введено церковью как символический и сакральный (т.е. субстанциональный) акт возвращения тела земле, из которой оно было создано и которая сохранит его до второго пришествия, обеспечив «правильный», окончательный уход из земной жизни. Эта символика разделения двух ипостасей человека была полностью созвучна усвоенной народом христианской концепции жизни и смерти человека. Но приходится признать, что одной из важных причин сохранения данного акта, с точки зрения народа, является и суеверная боязнь появления «неуспокоенных» или тем более «ходячих» покойников. Обязательность данного акта, сохраняющегося в чине отпевания, и значимость его в религиозной практике народа стали одной из основных причин распространения в советское время заочного варианта отпевания, что явилось отступлением от канонов, уступкой церкви народной традиции.

⁴² Страх Божий, между тем является одним из фундаментов веры. В учении Церкви это не предрассудок, а неизменная составляющая истинной веры, на этот фундаменте формируется чувство благоговения перед святыней, опасение чем-то навредить ей и т.д. Этот страх сохраняется даже у маловерующих, как основа для укрепления их веры. —Ред.

Иногда современные пастыри, желая добиться эффективного результата на пути исправления веры своей паствы, используют весьма своеобразные методы воздействия, которые так же не лишены суеверного смысла и не соответствуют просветительским задачам церкви. К подобной методике, оказавшейся весьма действенной, прибегнул, например, один из рязанских священников, имея целью искоренить распространенные суеверия, связанные с переворачиванием табуреток, на которых стоял гроб, после выноса умершего. Наш собеседник отучил своих прихожан от «этой привычки», пригрозив, что следующим умершим и будет тот, кто тронет табуретку. Сюда же я бы отнесла и практически общепринятый в современной пастырской практике способ борьбы с посещением кладбища на Пасху – обычай, с которым дореволюционная церковь не считала нужным бороться, считая обычай христосоваться со своими ушедшими родными вполне благочестивым. Вместо того, чтобы объяснить разницу смыслов посещения на Пасху и в поминальные дни, священники дают следующий вариант поведения обитателей загробного мира в сакральные дни: на Пасху у умерших своя трапеза и их не надо отвлекать от нее, а на Радоницу они придут на обед к родным на землю. «Мстиславльский батюшка сказал, чтобы на Пасху не ходили на кладбище, их дома немае. Вы в гости идете и они тоже» (д. Золочево Мстиславльского р-на, 2004).

Проблема соотношения народных традиций и обязанностей священников бороться за чистоту веры, поисков выхода из возникающих коллизий была актуальна на всём протяжении существования христианства в России, вновь актуальна она стала и в наше время, тем более, что за годы насилиственного атеизма приходская жизнь распалась, катехизаторское просвещение отсутствовало, а религиозность, как форма иррационального восприятия мира или хотя бы допущения реальности нематериальных сил продолжала существовать, выливаясь в массу суеверных представлений. Отношение к народной православной культуре – одна из основных тем диспутов богословов и священников-практиков в к. XIX – начале XX в., демонстрирующих противоположные точки зрения. В 1909 г. священник П. Левашов, анализируя русскую религиозность, специфику которой требует осторожности и внимания со стороны пастырей, приводит слова К.П. Победоносцева: «В обрядах, преданиях, символах и

обычаих масса народная видит реальное и действенное воплощение того, что в отвлеченной идее было бы для нее нереально и бездейственно. Что, если, разбив оболочку, истребим и само зерно истины? Что, если,istorгнем вместе с ними и пшеницу? Что, если, стремясь разом очистить народное верование под предлогом суеверия, истребим и самое верование?»⁴³

Современные священники отмечают сложность и неоднозначность решения проблемы взаимодействия с народной религиозностью. По словам о. Антония, благочинного Феодосийского округа «есть две точки зрения: Первая – ничего, что сверх православных канонов, делать не нужно, это разделяют многие священники. Но это плохо с точки зрения миссионерства. Люди отказываютсяходить в такой храм. Говорят, что священник неправославный, недружелюбный, необразованный. Священник должен найти выход» (Крым, 2012). В служении приходских иереев всегда присутствовала задача совместить две положенные им по должности задачи: искоренять суеверия, вести приход по каноническим законам и одновременно не вступать в конфликт с паствой. «Духовнику быть кроткую и снисходительну. С духовными детьми не ссориться»⁴⁴. Нарушение того или другого влекло замечания или наказание со стороны епархии, позиция которой вполне понятна.

При дореволюционной организации окормления православных священник не должен был вступать в конфликт с миром, дабы не вызывать недовольства своих прихожан, религиозное противостояние которых могло перерасти в социальное, кроме того, что весьма существенно, священник был материально зависим от своей паствы. В настоящее время он формально независим от паствы, но на самом деле аналогичная связь, хотя и не столь безусловная, продолжает быть актуальной, касается она не столько самого священника, сколько Церкви как организации, существующей на оплаты и пожертвования мирян. Отсутствие конфликтов с паствой тем более важно для миссионерской деятельности священников.

Постоянно возникающие сложности при взаимодействии церкви и мирян, заставляют по-разному преодолевать их теми и иными священнослужителями. Тактика уступок как норма служения вызывает осуждение многих батюшек.

⁴³ Свящ. Левашов П. Зачем так много у нас обрядов? СПб, 1909. С. 42.

⁴⁴ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 9472. 1834. Л. 18.

«Есть священники, которые потакают нравам общества, так как много у него проблем, некогда. Особенно если в числе прихожан есть люди именитые, не решается говорить что-то, что ими будет воспринято не так. Но есть и другие священники, учат по святым отцам. А у них все сказано» (о. Сергей, г. Медынь, 2011). Большинство наших собеседников-священников, как и их предшественники, считают нужным следовать принципу икономии, то есть снисхождения к народным обычаям, не выходящим за рамки православных норм, несущих в себе зерно благочестия. «Если есть где-то в приходе какой-то обычай и он не противоречит уставу церкви, то его не надо нарушать» (о. Александр, г. Новгород-Северский, 2010.).

При этом приходские пастыри признают данную тактику мерой отчасти вынужденной, обычное объяснение – начнешь спорить, скажут плохой батюшка, неграмотный или наоборот, упрекнут в излишней «грамотности», следствием которой стала неспособность постигнуть мудрость народных обычаев. При этом каждый из священников по-разному ставит границы возможного действия политики икономии. Как вспоминают многие священники, именно в начале своей пастырской деятельности они получали совет сдерживать активность борьбы с искажениями веры. По словам настоятеля церкви Благовещенья г. Унечи «в Стародубе, у меня там был первый приход, и предупредили, что есть свои обычай. И епископ сказал, чтобы я не перегибал» (Брянская обл., 2013). Своеобразные местные обычай часто касаются специфики церковной практики, не имеющей канонического значения и потому не вызывающие протеста со стороны священников. По воспоминанием главы Черниговской епархии (МП) владыки Амвросия в храме в Харькове, где он служил, существовал следующий обычай⁴⁵: «На литургии, когда выносят чаю, то ее ставят на голову каждому. Я когда пришел туда служить, то стал делать, как у них. Потому что, если сразу [запретить], то отбить народ очень легко, легко внести какую-то смуту. Я постепенно начал говорить проповедь, что так и так. Мне говорят, как же кроветочивая прислонилась к одежде Христа и исцелилась. И мы хотим к чаше прикоснуться и исцелиться. Нельзя было сразу, а то это будет целая революция. И владыка Никодим мне сказал: “ты как служил, так и служи, а потом посмотрим”» (Чернигов,

2010). Такой же порядок выноса чаши допускался и в храме с. Задубенье Брянской обл. Как вспоминают пожилая жительница д. Найтенки : «Там, когда священник выносит чашу для причащения, все желают, чтобы он эту чашу поставил на голову. Больше такого не видела нигде. Здесь никто к священнику не подходит в это время. А там старый священник и храм не закрывался» (2013).

Осуждая безусловно местный порядок поминания на кладбище на Радоницу, включающий обильное угощение, глава прихода с. Яловка, тем не менее не считает возможным предпринимать какие-либо активные меры к искоренению древнего обычая. «А если не трапеза, тогда что?! Люди просто приедут, постоят и уйдут?! Это немыслимо. Вы себе представляете такую Радоницу на кладбище: что люди просто постоят, помолятся и уйдут?! Я не представляю. Нельзя гнуть палку до бесконечности, она сломается. Но я не могу приставить прихожанам свою голову. Я борюсь, но понимаю, что нельзя тут идти до конца. Палка сломается. Люди же не понимают» (Красногорский р-н Брянской обл., 2013).

Не видят сельские батюшки и необходимости отказываться от народной традиции украшать иконы в церквях рушниками, запрет которой стал нормой в городах, особенно в центральных храмах. По словам настоятеля Успенской церкви пос. Езерище о. Михаила «раньше всё было увешено рушниками на иконах, но владыка не благословляет. А дома – пожалуйста» (Витебская обл., 2010). Украшен рушниками и храм в с. Яловка, настоятель которого, о. Антоний не видит смысла отвергать старый обычай, составляющий органичную часть праздничного календаря деревни. «Предписаний храм не украшать нет. И какое они могут иметь обоснование? Если оклад есть, почему рушник нельзя? И третий момент: украшать икону можно. Но так, чтобы это было изящно. Все рушники сами принесли. Но если так, как у них здесь было: на одну икону пять рушников навесить, то это безобразие. Полотенца в храме в Великий пост снимают. В первый понедельник всегда бывает уборка. Всё стирают. В Великую пятницу опять вывешивают» (Красногорский р-н Брянской обл., 2012). На Украине отказ от данной традиции в городских храмах Украинской православной церкви МП используется сторонниками Киевского патриархата в спекулятивных целях: его декларируют как раз-

⁴⁵ Данный обычай, судя по всему, пришел из практики Почаевских и Киево-Печерских монахов. – Ред.

рушение народной культуры, при этом не учитывается, что все сельские храмы с одобрения их настоятелей сохраняют прежний порядок.

Большинство батюшек, в основном пожилых, знающих специфику народной религиозности, одобряют или, во всяком случае, не видят никакого противоречия православному благочестию в широко распространенном обычве приносить женщинами, сделавшими аборт, в храм 40 крестиков или 40 рубашечек. Они рассматривают его как идущую от чистого сердца милостыню, свидетельство материнского раскаяния. О данном обычве и своем отношении к нему, рассказал прослуживший 50 лет на одном приходе в маленьком белорусском г. Хотимске старый священник о. Кирилл: «*Приходят пожилые, плачут, что аборт делали. Епитимью даю – помогать бедным, поститься в понедельник. Одн раз пришла женщина, принесла узелок с детскими вещами – ботиночки, распашонки, чтобы я кому-то отдал. В связи с тем, что она якобы видела во сне своих босых детей. Это же не проверишь, насколько это правда. Но, исходя из ее просьбы, я с удовольствием принял, там были довольно новые, хорошенъкие вещи. И когда крестили детей, я раздал пеленки*» (Могилевская обл., 2004). Поскольку данный обычай вызывает некоторые сомнения в его адекватности (проявления раскаяния) содеянному греху, каноничности и у пастырей, и у внимающих им мирян, православные авторы поясняют, что «*церковь эти обычай не отвергает. Женщина, повинная в грехе (изгнания плода. — Т.Л.) приносит крестики и распашонки в крестильню, где они как милостыня раздаются малышам, которых приносят крестить. Это благочестивые народные обычай*». При этом, правда, подчёркивается, что народные обычай не должны вытеснять положенного в таких случаях родителям церковного покаяния⁴⁶. Тем не менее молодые священники нередко считают, что потакание народным представлениям о реальной связи земного и загробного мира, наполненным «видениями и снами», влекущими за собой соответствующие обрядовые действия, уводит паству от канонической веры.

Сопоставление с аналогичными материалами XIX в. показывает, что современные приходские иереи во многом настроены в отношении народных обычай более категорично, нежели их пред-

шественники. Так например, известный работами о приходской жизни свящ. А. Плужников возмущается существующими и сейчас в народе суеверными способами избавления от порчи. Один из них – рекомендация носить «освященный пояс», который должен с молитвой завязать на пострадавшем сам священник⁴⁷. По мнению автора, к которому не раз обращались с подобной просьбой, «*священник становится аналогом шамана с бубном*⁴⁸. Между тем в дореволюционных советах священникам в подобных случаях, например, при просьбе повязывать беременную священническим поясом, бывшим на нем при литургии, церковь советовала не отказывать просящим полностью, но поступать осторожно: «*если нельзя этот обычай прекратить, то выдавать для этой цели пояса не иные как ветхие, чтобы потом уже никогда их более не употреблять при священнослужении*» или же специально надевать на себя пояса, специально принесенные женщинами⁴⁹.

Со своей стороны наши собеседники из мирян часто не понимают, почему церковь препятствует их вполне благочестивым, а главное, освященным традициям, обычаям. К таковым относится, например, оформление крестов, принятое на российско-белорусском пограничье. «*Церковь сейчас не рекомендует иконы на кресты, даже на памятники не надо. Иконы должны быть в доме. Но у каждого батюшки свое мнение, они ведь очень современные*» (с. Рюхов Унечского р-на Брянской обл., 2013). «*Очень современные*», «*Очень грамотные*» – подобные определения в адрес своих батюшек часто можно услышать в сельской местности. В данном случае не только отдается должное высокому уровню образования пастырей, но и сожаление о том, что именно в силу пристрастия к канонам, к правилам, к букве, а не духу веры они наделены большим pragmatismом и не могут понять специфичной, но безусловной народной веры в Божественный мир.

В тех случаях, когда священники не могут найти оправдания местным обычаям, считая их явным искажением церковного учения, они, кроме постоянных разъяснений, используют и более радикальные меры. Причем, и в данном случае сказывается специфика возраста священников: пожилые не торопятся прибегать к активным методам воздействия. Например, это касается, старой традиции бросать деньги в могилу при похоронах (с разны-

⁴⁶ Прот. Иоанн Букоткин. Советы священника // Очисти беззаконие моё. Самара, 1997. С. 24.

⁴⁷ Хотя само по себе ношение пояса с 90-м псалмом, ни у кого не вызывает вопросов. Вопросы начинаются, когда с поясом (или четками и др.) предполагают совершение не соответствующие их назначению манипуляции. – Ред.

⁴⁸ Свящ. Алексей Плужников. Приходская жизнь: радости и искушения. М., 2014. С. 84.

⁴⁹ Калужские епархиальные ведомости. 1877. № 10. С. 175.

ми объяснениями действия). По словам жителей г. Хотимска у них «деньги кидают. Старый о. Кирилл ничего не говорит, а молодые священники ругаются» (Могилевская обл., 2013). Более решительно настроен священник о. Александр из г. Мстиславль: «Деньги в могилу – если и делают, то я заставляю лезть в могилу и доставать. Это язычество» (Могилевская обл., 2010).

Приурочивание народных венцерковных обычаяв к основным дням православного календаря – обычное явление в культуре восточных славян, некоторые из этих обычаяв действительно не имеют православной основы. Борьба с ними, не слишком успешно, велась на протяжении всей истории христианства в России. Продолжают ее и современные священники, их, порой, радикальные меры, также не всегда дают нужный результат. В качестве примера приведу практику о. Михаила из агрогородка Столбун Гомельской обл., считающего невозможным соединение святости праздника Вознесения с местной деревенской традицией⁵⁰. «*Вождение стрелы*» – здесь много языческого. И как получается. Владыка благословил крестный ход на поля. И мы идем с крестным ходом молиться Богу, а вслед за нами идут эти «стрелки». Я спрашиваю: «Что делаете?» – «А вот закапываем монеточку». Я не могу запретить стрелу, но четко сказал, кто будет участвовать, того не принимаю, советую отказаться» (Ветковский р-н, 2008).

В программу критического пастырского отношения включается иногда и обрядовая пища. Так, в регионе российско-украинско-белорусского пограничья основное поминальное блюдо – вода с медом (или с сахаром) с покрошенными туда кусочками хлеба или просфоры (коливо, канун). Признавая единственно «правильным» употребление в данном качестве вареного зерна, некоторые настоители отказываются освящать местное блюдо. «*Для поминания усопших кутья и в нее мед, символизирует святость, которая нас ожидает. Мы на панихиде кутью окропляем святой водой, читаем молитвочку. И если в дома иду и там есть кутья, а не этот хлебушек с сахаром, то окропляю тоже*» (о. Михаил, а/г Столбун Ветковского р-на, 2008). Но подобные инициативы «улучшения» народных традиций не всегда встречают поддержку сверху, по словам священника из того же региона о. Василия «*Вла-*

дыка сказал: пусть так и будет, раз уж так пошло» (д. Ленино Добрушского р-на Гомельской обл., 2010). От позиции архиерея вообще много зависит в его епархии.

Анализ катехизаторской и миссионерской деятельности современных священников показывает неординарность в решении ими проблемы воцерковления общества и его религиозно-нравственного воспитания. В частности это касается оценки эффективности и предпочтительности использования с этой целью таких центральных для христианства сюжетов и понятий как Страшный суд, мытарства, загробное воздаяние. Мнения священников нередко расходятся в отношении традиционной (в прошлом) для Церкви линии воспитания прихожан через устрашения загробными караами. Как отход от сути христианства оценивает церковное воспитание «страхом» о. Алексей из г. Людиново: «*На чем сейчас можно строить воспитание? На совести, это и до революции было. Страх – не самый лучший советчик и удержит. Хотя, это тоже [действует], то есть, если ради страха не делаешь греха, но это рабство, состояние раба, невольника. Мы рабы Божьи – соработники Божьи, сами избираем веру и соработничаем Христу, а раб дьявола – это невольник*» (Калужская обл., 2014). Многие духовные наставники, особенно из числа новых образованных иереев, отрицают страх как воспитательную меру и противопоставляют ему учение о любви как главную концепцию христианства⁵¹. «*Мне кажется, напугать страхом Божиим не может никто – ни церковь, ни государство. Сознание меняется. Задача Церкви научить, объяснить, а у человека – свобода. Церковь не должна молчать, должна говорить, тогда ответственность с нее снимается. Нужно с любовью призывать к покаянию*» (о. Рафаил. Смоленск, 2014). О том, что «только через пробуждение в душе каждого чувства любви», а не через страх перед земным или небесным наказанием, может прийти нравственное спасение говорит и о. Сергей из г. Юхнова (Калужская обл., 2013).

Однако многие иереи считают необходимым включение фактора страха в религиозное воспитание, при этом нередко подчеркивают, что речь идет о страхе, имеющем особое содержание, соответствующее мистическому взаимоотношению с Богом. Приведу цитату из беседы с сельским

⁵⁰ По местной традиции этот народный обряд включал ритуальное захоронение женщинами ритуальных предметов («стрелы») или / и вождения хоровода со специальными песнями. Практикуется на праздник Вознесения Господня.

⁵¹ Данная богословская дилемма ярко обозначена в трудах митрополита Антония Сурожского (Блума), весьма популярного и почитаемого сейчас православного богослова. —Ред.

батюшкой из Симферопольского р-на, поскольку в его рассуждении наиболее ясно чувствуется совмещение двух аспектов воцерковления пасты: напоминание о страхе должно сопровождаться объяснением его сущности. «*Пугать, может быть, с одной стороны, и надо, а с другой – люди у нас после такого лихолетья так запуганы, и что их пугать! А научить: страх божий – это начало премудрости. Пре – это превосходная степень мудрости. И если ты научишь этому... Но чтобы научить этому, надо самому знать три вида страха: раба, наемника и сына. Но все постепенно: сначала ты раб. Что такое страх Божий? Это я боюсь Бога, я боюсь творить зло. Не боюсь Бога – значит не боюсь творить зло. А наказание? Надо на исповедь. Душа как омывается. Увидеть в себе много грехов – вот это надо» (о. Сергий. с. Мазанка Симферопольского р-на. Крым, 2014).*

Наиболее общей концепцией пасторской деятельности в наши дни можно считать обязательность включения понятий загробный мир и мучения за грехи в проповедническо-просветительскую практику. Однако вопрос о том, как и в каких категориях нужно показать людям будущие мучения, каким нужно и можно представить мирянам загробный мир не имеет однозначного решения у современных пастырей. Свой отход от практики устрашения конкретными образами наши многие собеседники объясняют изменением в сознании людей. «*В каждом периоде для сознания человека есть свои методы. В котле, Страшный суд – это не было страшно, это было сообразно сознанию людей того времени»* (о. Рафаил. г. Смоленск.).

Обещание воздаяния за гробом не обязательно должно включать такие традиционные для христианства понятия как Ад и Рай, об этом можно услышать от молодых священников: «*Вообще учения об Аде у Церкви нет официального, есть слова Христа, творения Отцов о втором пришествии. Что за гробом – мы не знаем, но дадим ответ за каждое слово, за каждую мысль. Поэтому в нас должен быть страх Божий – это боязнь оскорбить благость Божью, боязнь отпасть от Бога»* (о. Роман. г. Рославль Смоленской обл., 2010). Другие священнослужители считают, что образ загробного мира, где каждому будет определена вечная судьба в зависимости от заслуг на земле, невозможен без категорий Ада и Рая. «*О грехе и наказании – каждый должен знать, что будет наказание, всем по-разному. И этоично. Надо говорить о Рае и Аде. Именно какие [наказания] и за что – не надо»* (о. Владимир. г. Сураж Брянской обл., 2013.). Характер-

ные для представлений прошлого яркие картины загробных мучений некоторые священники относят не просто к устаревшим понятиям, но и видят в них недостаточную религиозную грамотность. «*На похоронах обязательно говорю проповедь: назидание потомкам и что будет с человеком. Сковородки в Аду? Да нет, гореть – это совесть наша будет гореть, жечь. (А люди чего боятся?) Какие люди смотрят: не воцерковленные боятся сковородок»* (о. Вадим. с. Насыпное Феодосийского р-на. Крым., 2014). Новый взгляд на характер загробных мучений делает нецелесообразным, по мнению многих священников, учение о мытарствах. «*Мытарства – это предания Церкви, нет такого доклада. Можете верить или нет. Мы не знаем, что точно будет. Но воскреснем при Воскресении»* (о. Антоний. г. Феодосия. Крым, 2014).

Неоднозначные позиции занимают современные пастыри и по отношению к активно распространяющемуся среди населения «Хождению Феодоры по мытарствам». С точки зрения одних – эта литература не дает нужной информации, неправильно ориентирует людей. «*Феодору не признаю, читать не советую. Надо брать не апокрифы, может быть апокрифы лучше не читать, и не знать. Я считаю, что есть мнения святых отцов, которые более логично говорят об этих вопросах, о наказаниях. Нужно слушать проповеди современных учителей, но не всех»* (о. Антоний. Феодосия. Крым, 2014). Другие даже считают, что видения Феодоры, как и другие сочинения аналогичного характера, уводят людей от истинного понимания христианского учения. «*Феодора – одна из древнейших христианских сказок. В церкви до революции эта книга была запрещена как нехристианская, так как получалось, что человека судит не Христос, а бесы. Я для прихожан литературу бережно подбираю. Феодора и до революции не печаталась, а ходила в списках. А сейчас печатают, что хотят»* (о. Александр. пос. Ершичи Смоленской обл., 2015).

Как общее мнение сторонников популяризации видений Феодоры можно рассматривать слова священника из пос. Верхний Мамон Воронежской обл.: «*Феодору читать я рекомендую, пусть уж лучше так, чем никак. Хоть как-то будет удерживать. Я – за Феодору, так как в яркой форме напоминает о будущем суде. Хотя и против буквального понимания»* (о. Сергий. Верхнемамонский р-н, 2015). Некоторых священников возмущает полный отказ от включения в проповедническую деятельность мистичности загробного существования, поскольку человек должен знать

о грозящей ему силе зла. «На проповедях говорю и о Рае и об Аде. О царствии небесном. Ад, конечно, существует. (Говорят, не надо запугивать?) Это интелигенция, не хотят о дьяволе. Это им не по душе. А это ведь личность, величайшая личность – дьявол. Это не просто кого-то беса нарисовали. Просто он, лукавый, так человека вокруг пальца обвел, что он не верит, что тот существует. Это его главная победа» (о. Вадим. с. Насыпное Феодосийского р-на. Крым, 2014).

Визуальный образ Страшного суда, призванный наглядно показать верующим их судьбу после смерти, практически исчез из русских храмов, тем более сельских. Редкий случай специального размещения его в храме, где икону эту может видеть каждый прихожанин, настоятель церкви дер. Ленино о. Василий объяснил так: «Икону Страшный Суд написал один художник, я попросил. Его чаще в притворах, но у нас нет места. А людям надо показать. Это панихиидный стол и на уровне его, когда мы отпеваем, рассказываем людям, как душа идет, какие мытарства ждут после смерти. Чтобы люди задумывались, чтобы реально видели картину, как это может быть. Церковь не пугает, но напоминает, чтобы человек не забыл день своей смертной. Так учат святые отцы: “Помни день смерти, тогда никогда не согрешишь”» (о. Василий. Добрушский р-на Гомельской обл., 2013).

При некоторых разногласиях методического характера, все наши собеседники – приходские священники едины в главном: нужно донести до сознания своих прихожан неизбежную ответственность за земные дела после смерти, и только учитывая эту будущность, они не захотят отступать в сторону зла. Приведу слова священника из г. Медыни, которые можно рассматривать как обобщение роли пастыря в нравственном воспитании народа. «Я не грожу никому, не дело священника угрожать, но информировать и помочь сделать выбор надо. Нет никаких других состояний после смерти кроме Ада и Рая. Но качество мучений в Аду и нахождения в Раю разное. Все зависит от вектора состояния души» (о. Сергей. Калужская обл., 2013).

В православной церкви всегда существовала и до революции широко использовалась практика церковного наказания через наложение епитимии. Ее задачей было разбудить совесть у человека и привести к осознанию своей вины перед Богом. К концу XIX – началу XX в. эта практика уже не имела того действенного эффекта, на который была рассчитана. Современные батюшки практически повсеместно не считают целесообразным

прибегать к данной мере наказания, исключение составляет лишь их окормление людей воцерковленных. Главная причина – слишком низкий уровень православной религиозности народа, в силу чего наказание не только не будет должным образом прочувствовано, но оттолкнет людей от церкви. Многих из приходских священников от наложения епитимии удерживает страх: они считают, что очень мала вероятность выполнения епитимии провинившимся, а ее неисполнение как тяжких грехов останется на самом пастыре. Некоторых батюшек удерживают более сложные нравственные соображения: «Я за семь лет службы здесь никому не давал епитимию. Я боюсь этого слова. И кто безгрешен?! – брось камень. У меня свои грехи» (с. Борки Шацкого р-на Рязанской обл., 2004). Судя по имеющимся данным, подобные религиозно-этические проблемы не мучили священников прошлого, в данном случае они действовали и ощущали себя лишь служителями церкви, без сопоставления с собственной греховностью.

Обязанность приходских священников – подчиняться указам и требованиям церкви. Однако каждый из них отличается спецификой собственного религиозного мироощущения, степенью эмоционального восприятия мистичности совершаемых актов и произнесения богослужебных текстов. Современная церковь разрешает отпевание самоубийц в случае признания их психической неспособности. Однако не все священники могут решиться совершить над погибшим полный чин погребения, слишком остро они чувствуют негативную сакральность ситуации. «По разрешению архиерая можно отпевать и предавать земле, но я не отпеваю. Он себя предал сатане. Это древнее правило. И толку не будет и спасения никакого никогда» (о. Сергей. с. Некрасовка Ермишинского р-на Рязанской обл., 1997.); «Я боюсь самоубийц отпевать, у меня немощь. Нельзя ведь поминать. Владыка дает разрешение, но я боюсь» (о. Михаил. с. Кремлево Скопинского р-на Рязанской обл., 1998). Не каждый священник может взять на себя право отпустить женщине страшный грех детоубийства, прибегая, порой, для разрешения ситуации к некоторым уловкам. По словам многодетного о. Георгия из с. Борки «Для меня нет вопроса: рожать или не рожать. Если не будете рассуждать – чем будете кормить детей, а просто стараться жить по-божьему, и рожать столько, сколько Бог даст, то Бог не оставит, я в это верю. Я не хочу давать молитвы на аборты. И их и нет. Есть на “извержение”, хотя и после нее должна нести покаяние. Я советовался со старцами, и я даю молитву на “извержение”, но там есть слова: “вольное”

и “невольное”, я опускаю слово “вольное”. Это грех страшный. Стараюсь женщинам объяснить. И этот грех не проходит бесследно. Если она принесла покаяние, я причащаю» (Рязанская обл., 2003).

Беседы с современными пастырями показывают широкий диапазон мнений вплоть до прямо противоположных относительно даже тех конкретных положений религиозной культуры, которые в течение веков входили в просветительскую политику церкви как основной содержательный фонд. Такова ситуация с почитанием функционально ориентированных святых или определенных икон, весь пантеон которых, как учили пастыри прошлого, был призван защитить верующего человека во всех проявлениях его жизнедеятельности, дать ему ощущение окруженностии святым миром. Отчасти разница во мнениях зависит от того, насколько священник «ходит» в насущные интересы окормляемого им социума. Так, настоятель Никольского храма из а/г Столбун Ветковского района действует сам и учит свою паству полностью в русле традиционного православия, считая необходимым использовать весь арсенал христианской защиты. «Приходят с жалобами, вот что корову сглазили, козочку испортили, молоко... Объясняю: подливайте в водичку священную воду, перекрестите [скот] обязательно. Даже можно маслицем освященным помазать. И молитесь. А вы же этого ничего не делаете. Есть же определенные святые, которые для птиц, для скота. У нас есть чин освящения стада. И другие молитвы. Я кроплю святой водой и через какое-то время улучшается» (Гомельская обл., 2008).

Другие священники, особенно из новой плеяды молодых и богословски образованных, считают подобную тактику примитивизацией веры, тупиковым путем приведения религиозно малограмотной паствы к истинному пониманию Бога и сущности идеи спасения. Приведу точку зрения одного из наиболее интересных священников, считающего, что в практике окормления необходимо идти по пути постепенной ломки устоявшихся стереотипов религиозного мышления мирян. «Я не сторонник говорить: молитесь иконе. У нас прихожане не говорят “помолюсь” иконе, но это церковные люди. Не церковные прямо с порога: “какой иконе молиться?” Например, чтобы голова прошла – Иоанну Крестителю. Объясняешь, что молиться надо Богу. Пастырский совет: помолись такому-то святому и все пройдет, он сейчас совершенно неприемлем. Не будет дальше у человека никакого развития. Он уйдет из церкви. Будет знать: я помолюсь

этому святому, и все пройдет. Или другому, или икону куплю и дома повешу. Не знают, что надо начать с покаяния, причащения, соборования (о. Антоний, г. Феодосия, Крым, 2014). О неоднозначности путей просвещения паствы говорит и о. Сергей из г. Медыни, сам ориентирующий паству на ортодоксально-канонический путь постижения веры. «Есть священники – потакают нравам общества. Есть учат по святым отцам» (Калужская обл., 2011).

Подтверждая факт отсутствия у современного священства полного единобразия в видении правильного курса приведения своих подопечных к Богу, многие пастыри считают необходимым избегать каких-либо крайних позиций. «Сейчас внутри церкви шатание. Фундаменталисты считают, что всякое обсуждение каких-то проблем – это уже нарушение. Не должны обсуждать. А либералы все ставят под сомнение, критикуют все. Надо просто сохранять здравый смысл» (о. Виталий, с. Березино Унечского р-на, 2013). Не видит ничего страшного в имеющихся разногласиях и о. Александр из пос. Ершичи: «Православие очень разное... у нас не может быть единого мнения по многим вопросам, по второстепенным» (Смоленская обл., 2013). Нужно учитывать, что священники не только несут веру в народ, они сами люди верующие, причем каждый с определенным преломлением идеи Бога в душе, спецификой видения корреляции земного и небесного, склонностью к наполнению ее мистическим содержанием. Священников-либералов, отвергающих характерные для народной религиозности случаи мистических контактов с божественным миром – во снах или наяву, раздражает массовость подобных рассказов, уводящих человека, по их мнению, в область выдумок и даже суеверий. Вместе с тем, такие видения порой посещают и не вызывают сомнения в их истинности и самих батюшках, особенно если к этому они подготовлены воспитанием и предыдущим окружением. Так, молодой отец Василий, приехавший на белорусско-российскую границу с западной окраины Белоруссии, где церковно-народная религиозность – естественная составляющая менталитета и поведения каждого жителя региона, опираясь на собственный религиозный опыт, признает возможность чудесных явлений и знаков, но не исключает и элемент привнесения фантазии человека. «Настоятельница Ильинского монастыря в Витебске (исцеляет. – Т.Л.) рассказывала, что видела ангелов, слышала голос Иисуса. Я думаю, что человек сам себе внушает. Мне тоже сон приснился, дома, еще не был священником. Снилось, я сижу на скамейке около

церкви – там разлаживают, что принесут и посидеть людям добро. Лежу я на скамейке и полностью вижу Иисуса Христа, в белом одеянии, как на иконах. Спускается он ко мне и в воздухе зависает и говорит: «Я тебя еще с собой не забираю, ты еще здесь нужен». Можно через сон определить, что будет» (г. Дубровно Витебской обл., 2001).

Конечно, можно сказать, что имеющиеся в практике духовного окормления противоречия – это исключительно внутреннее дело церкви. Но надо учитывать, что приходской священник существует в пространстве мирян, для которых он – голос истины, гарант незыблемости вероучения, причем на самых разных уровнях включения религиозных элементов в жизнь. Ведь у мирян масса вопросов, ответы на которые каноны церкви не предусматривают, и именно священник должен дать им ответ, соразмеряя законы вероучения, возможности народа их воспринять и традиции народной культуры.

Анализ бесед с батюшками показывает бесперспективность типологизации приходского священства, это привело бы к обезличиванию индивидуальности каждого из пастырей. Можно дать лишь некоторые, бросающиеся в глаза обобщающие характеристики приходских наставников. Современная церковь ориентирует своих служителей на сотрудничество с государством и обществом, объем и успешность реализации светско-церковных взаимодействий зависит как от расположности к контактам соответствующих инстанций, так и от самого священника. Далеко не все из них готовы заниматься мирскими делами, считая это отвлечением от своей основной функции. Как сказал с юром один из моих духовных информантов: «У меня с государством полная симфония: я к ним не пристаю, и они меня не трогают». Некоторая отстраненность от государственных структур может иметь вполне конкретную причину: соотношение светских и духовных инстанций с 1990-х годов дает основание говорить о существовании некоторого патернализма в отношениях государства и церкви, что помогло последней активно налаживать свое служение. Однако, подчас, иереи видят за этим опасность потери разделения светской и духовной форм жизнедеятельности общества и соответственно угрозу самостоятельности церкви. Более многочисленную категорию составляют священники, занимающие активную позицию, считающие необходимым «идти в народ», имея ввиду не столько традиционные праздничные обходы селения, сколько контакты с общественно-государственными учреждениями, соучастие в различных сельских или городских мероприятиях.

Подобная деятельность придает священнику статус общественно значимого лица, тем более, что речь идет о сельской местности и небольших городах, расширяет круг общения с местным населением. Многим пастырям свойственна пассионарность в работе, способность принимать участие в житейских делах прихожан независимо от степени их воцерковленности. Наряду с данной категорией священников, можно выделить упоминавшийся уже другой тип служителей Бога. Я имею ввиду немногочисленный слой священства, чью высокую духовность прихожан воспринимают как иной высший уровень веры, постичь которую не дано мирянину. Они не склонны к общественно-миссионерской деятельности, они не всегда понятны окружающим, но им безоговорочно доверяют. В какой-то мере в глазах мирян они являются собой пример приближенности к Богу. Но в любом случае каждый из батюшек включен, хотя и в разных масштабах, в социально-культурную программу, которую проводит Церковь. И, как показывают получаемые на местах инструкции из епархии, круг обязанностей каждого священника весьма широк.

Едины приходские иереи в главном – в конечной цели своего назначения. Об этом говорит пожилой священник о. Владимир из г. Новозыбков: «Я как священник понимаю, что придумывать ничего не надо на ниве христовой. Всё готово. Всё вероучение изложено, все догмы. Задача священника – донести всё правильно до народа божьего. Надо подготавливать почву, посеять семена, а там уж...» (Брянская обл., 2008). В этом же видит смысл своей миссии молодой еще о. Сергей из Медыни, справедливо полагая, что лишь вера в Бога и исполнение его заповедей спасут людей. «Поэтому я бы сказал, что задача Церкви не бороться с абортами, как и с пьянством и т.д. Единственная задача – основная – это приводить людей к Христу. И тогда вряд ли эти чада Божьи будут разрушать свое государство». Но главная трудность, препятствующая полноценной реализации всех усилий пастырей на сегодняшний день – это слабый отклик снизу. Тот же о. Сергей сделал следующее печальное заключение, с которым согласны многие приходские батюшки. «Мы можем [вести к Богу], но хотят ли нас слушать?!» (Калужская обл., 2011).

Успешность практики окормления во многом зависит от духовной и миссионерской активности священников, умения войти в доверие к людям, возможности осуществления свободного (в рамках общей догматики) донесения до народа христианских истин, характера взаимоотношений церкви с государством, бюрократизации церков-

ной системы и т.д. Обычный наш вопрос: «Легко ли быть приходским священником?» ни разу не получил однозначно положительного ответа. И самым сложным называют пастыри именно свою учительскую деятельность. «Что самое сложное в работе священника? Если в работе, то не сложно. А если в служении – чувство немощи в духовничестве. Нужно вникнуть в человека, его душу. Поэтому хотя многие считают меня духовным отцом, а сам я не знаю, могу ли быть им. По статусу я обязан и советы давать. А все равно должна быть духовная мудрость, а она приходит не сразу» (о. Алексей г. Людиново Калужской обл., 2014).

Особенно непросто исполнять окормление населения там, где активно прошлась политика атеизации, тем более молодым, не имеющим опыта батюшкам. Получивший свой первый приход в Витебской обл. о. Василий, сам из семьи священника из Брестской обл., признается: «После армии думал, что быть священником легко. Только когда рукоположили понял, как это трудно. Нужно уметь разговаривать с людьми, а опыта мало» (г. Дубровно Витебской обл., 2001). О необходимости повышения уровня образования приходских батюшек говорят практически все наши собеседники-священники, при этом важное значение придают и подготовке – образовательной и духовной в семье. Как считает пожилой священник о. Михаил из Новозыбкова «Церковь сейчас страдает от отсутствия грамотных кадров. Они должны выйти из нашей среды, из нашей почвы» (Брянская обл., 2008).

Взятое мной в эпиграф утверждение о. Сергея из г. Медыни было в значительной степени адекватно дореволюционной ситуации, сейчас же оно, скорее желательно. Количество православно верующих (то есть, по определению церкви, воцерковленных) увеличивается, но это не масштабное явление. По заключению наших духовных собеседников все хотят надеяться на Бога, но понимают свое отношение к нему как потребительское, не стремясь взять на себя обязательства христианина, к чему их призывают пастыри. Быть христианином – значит быть готовым к тому, что каждый в какой-то степени также несет свой крест, прежде всего – крест активного служения

Богу, требующего временных и духовных затрат. «Прихожан мало, захожан много. Они условно православные. Формально – да. Но православие – это образ жизни. На нем формально осталась благодать крещения, но он из церкви вышел и эту благодать расточает» (о. Александр г. Рославль Смоленской обл., 2006).

С точки зрения некоторых священников истинность христианской веры присутствовала и раньше лишь у немногих, тем более такая ситуация характерна для наших дней. «Православных христиан никогда не было большинство и, наверное, уже не будет. Религия – это же не часть культуры. Православие – это образ жизни, он либо есть, либо нет» (о. Александр г. Орша Витебской обл., 2010).⁵²

Служение в приходах, тем более сельских, постоянно ставит вопрос о соотношении церкви и народной религиозной культуры: является ли последняя тем фундаментом, на котором может укореняться каноническая вера или же, наоборот, ее традиции являются тормозом к подлинной христианизации. Лейтмотивом информаций священников прошлого можно считать утверждение: крестьяне у нас верующие, но верят «не так» и свои религиозные чувства реализуют «не так». Современные этнографические исследования позволяют оценивать религиозность народа в гораздо более «качественном» православном варианте, нежели это делают священники, которым казалось, что их служение проходит в сплошном поле суеверий. Отчасти концентрация внимания именно на недостатках веры мирян объяснялась предъявляемыми к священникам служебными требованиям: выявлять и искоренять неканонические проявления как искажающие христианство или (и) как проявление язычества. И очень редко можно встретить рассуждения на тему того, что стоит за теми или иными верованиями или реалиями простецов, являются ли они показателями ухода от основной заповеди христианства – признания единого Бога, противоречит ли религиозная безграмотность осознанию своего существования в рамках Божьего мира. Современные священники склонны считать, что религиозность как форма миропонимания свойственна большинству населения села и маленьких городов, причем в основ-

⁵² Нельзя не отметить интересный факт, который требует более углубленного рассмотрения. Тот феномен, который называют сейчас «православная культура», и которую пытаются возродить через школы, вызывает, подчас, разную рефлексию священников и светских поборников сохранения идентичности русских. Для последних она исторически сложившаяся основа духовной жизнедеятельности русских и потому вопреки всем противодействиям ее нужно вернуть народу, «ввести» его в мир ее понятий и ценностей. Духовные лица, признавая важность всех усилий в этом направлении, высказывают опасение, о котором и говорит о. Александр: не произойдет ли подмена понятия «вера» светской категорией «культура», что уведет людей от поисков подлинного понимания Бога.

ном с сохранением традиционных особенностей, потому и комментарии пастырей содержат те же критические оценки и жалобы на приверженность их паствы своим традициям с добавлением почерпнутых из разных источников неправославных новаций. Изучение народной религиозности, выяснение ее истоков, символов и семантики остается прерогативой этнографии, вне интересов и комплекса необходимых знаний священства. Между тем, нести слово Божье и вводить его в религиозное восприятие мира невозможно без более глубокого, нежели это существовало до революции и продолжает сохраняться и сейчас, знания и понимания специфики веры народа. Иначе изгнание «суеверий» может повлечь за собой и неверие во всеобъемлющую божественную силу.

Наиболее радикально настроенные священники исходят из того, что с одной стороны религиозная (каноническая) безграмотность такова, что можно говорить о необходимости новой христианизации. С другой стороны в настоящее время есть возможность возродить веру в народе в каноническом варианте, очистив ее от второстепенных, народно-церковных интерпретаций и толкований христианского учения. Реальность претворения в жизнь данной концепции, с их точки зрения, основана на двух характеристиках ментальности современных людей, особенно молодежи: во-первых, молодые люди и часть лиц среднего поколе-

ния менее «вписаны» в простонародную религиозную культуру с ее предрассудками и суевериями; «Молодежь сейчас приходит в церковь осмысленно. А старшее поколение, ну, есть такое понятие: старый – значит пора, надо» (о. Алексей г. Юхнов Калужской обл., 2006). Во вторых – мыслительный уровень современного человека позволяет ему постигать и впитывать идеи христианства. Однако, изучение современной религиозности показывает, что в данном случае, то есть христианизации «с чистого листа», речь может идти лишь о части городских жителей. В реальности же миссионерские усилия священников-подвижников сталкиваются с массой своеобразных представлений и бесконечных, важных для мирян вопросов, возможно, не противоречащих православным догмам, но свидетельствующих о недостаточном понимании мирянами сущности веры и единственного пути спасения.

Конечно, усилия пастырей не проходят бесследно, обрядовая и повседневная жизнь мирян показывает ориентацию на их советы и трансформации в обрядово-религиозной жизни. Священник перестает быть чужеродным явлением в общественной жизни. Эйфория первого десятилетия возвращения веры в жизнь народа перешла в более спокойную и обдуманную fazу, пришли и некоторые разочарования, и большее понимание роли и назначения церкви и ее служителей.

